

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 164–171

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 164–171

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-164-171>

Научная статья

УДК 271.2-726.3(470.311)+929Копержинский

In memoriam. Профессор К. А. Копержинский: «Отец сначала был учителем древних языков, потом стал священником»

С. Н. Карамышева

Байкальский государственный университет, Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11

Карамышева Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, irk-svetlana961@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6107-9566>, Author ID: 337778

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты исследования, позволившего конкретизировать не только малоизвестные факты из истории семьи профессора К. А. Копержинского, но и те социально-исторические обстоятельства, которые обусловили появление в автобиографических анкетах постреволюционного периода клишированной формулировки «отец сначала был учителем, потом стал священником».

Ключевые слова: профессор К. А. Копержинский, священник А. А. Копержинский, подольское духовенство, церковная реформа, Александр II

Для цитирования: Карамышева С. Н. In memoriam. Профессор К. А. Копержинский: «Отец сначала был учителем древних языков, потом стал священником» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 164–171. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-164-171>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

In memoriam. Professor K. A. Koperzhinsky: “My father was first a teacher of ancient languages, then he became a priest”

S. N. Karamysheva

Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk 664003, Russia

Svetlana N. Karamysheva, irk-svetlana961@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6107-9566>, Author ID: 337778

Abstract. This article presents the results of a study that made it possible to specify not only little-known facts from the history of Professor K. A. Koperzhinsky's family but also those social and historical circumstances that led to the appearance of the clichéd formulation “my father was first a teacher, then he became a priest” in the autobiographical questionnaires of the post-revolutionary period.

Keywords: Professor K. A. Koperzhinsky, priest A. A. Koperzhinsky, Podolsk clergy, church reform, Alexander II

For citation: Karamysheva S. N. In memoriam. Professor K. A. Koperzhinsky: “My father was first a teacher of ancient languages, then he became a priest”. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 164–171 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-164-171>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Любая автобиография, являясь по сути вынужденным или преднамеренным актом означивания и официализации частной жизни, может содержать в себе как нарочито презентативные моменты, так и тщательно завуалированные факты. Наиболее показательны в этом плане автобиографии и (или) биографии тех людей, жизненный путь которых оказался сопряженным с глубокими социальными разломами и катаклизмами, когда линия человеческой жизни жестко и неоднократно дробилась по прецеденту «до» и «после», а привычные мотивационные ори-

ентиры и общезначимые социальные стандарты подвергались кардинальной трансформации и переосмыслению. К разряду таких жизнеописаний принадлежит и биография известного слависта и литературоведа профессора Константина Александровича Копержинского (1894–1953), в которой, несмотря на солидный корпус исследовательских работ биографического и библиографического характера, до сих пор присутствует ряд пробелов, появившихся не без участия самого биографанта. Так, при непосредственном обращении к материалам личного дела профес-

сора К. А. Копержинского в анкете, заполненной биографантом 24 декабря 1937 г. при оформлении на работу в Иркутский государственный педагогический институт, нами был обнаружен ряд исправлений-дорисовок, а именно, в графе «Отец» и в графе «Мать» ранее написанное и частично подтертое «из духовенства» исправлено на «из мещанства» [1, л. 8]. Впрочем, данное исправление можно рассматривать в качестве невольной, непреднамеренной ошибки, допущенной при заполнении анкеты, так как в графе «Социальное происхождение» К. А. Копержинский конкретно указал на то, что «Отец был сначала учителем древних языков, затем стал священником» [1, л. 8], в связи с чем возможно и допустимо отнесение наличия исправлений-дорисовок в автобиографической анкете профессора К. А. Копержинского к разряду косвенных подтверждений ситуации сословного трансферта, возникшей в результате принятия отцом К. А. Копержинского священнического сана. Тем не менее, именно обнаружение факта подчистки и дорисовки в вышеуказанных графах послужило отправной точкой нашего исследования.

Формулировки типа «отец сначала был учителем, потом стал священником» достаточно частотны для автобиографий постреволюционного периода. Они присутствуют как в жизнеописаниях представителей высшего эшелона академической науки, в частности, в биографиях академика АН ЭССР профессора Б. А. Ларина [2, с. 80], академика АН СССР профессора С. В. Лебедева [3] и некоторых других, так и в автобиографических анкетах, хранящихся в архивных личных делах работников региональных организаций Наркомпроса РСФСР и сотрудников советских административных учреждений, что явилось прямым следствием и отдаленным по времени результатом церковной реформы 1870-х гг., в ходе которой все духовные учебные заведения утратили сословноцентричный характер. В связи с этим обер-прокурор Святейшего синода граф Д. А. Толстой, давая оценку первому этапу церковной реформы, отмечал во всеподданнейшем отчете за 1873 г.: «После изменения в сословном устройстве духовенства, внесённого законом 26 мая 1869 г., и с открытием по новым уставам духовно-учебных заведений более свободного доступа к приобретению духовного образования и к достижению церковных степеней лицам из всех сословий, оказалось вполне согласным с общею мыслью, принятою в основание таких изменений, допустить большее сближение духовенства с другими сословиями...» [4, с. 413].

Сословная трансграничность духовных училищ, семинарий и академий, а также внесословные преференции, в том числе предоставление иносословным возможности обучения на «полном церковном коште», не только открывали

представителям низших сословий наиболее благоприятные пути по выходу из податного состояния, но и обусловили необходимость изменения традиционного подхода к формированию корпуса приходского священничества и перевода ряда локально значимых традиций на общезначимый уровень посредством принятия Святейшим синодом соответствующих решений и определений по духовно-учебному ведомству. Речь в данном случае идет о проблеме осознанного и ответственного вступления выпускников духовных училищ и семинарий на путь священнического служения, так как «индифферентист во фраке не так вреден для церкви, как в рясе» [5, с. 405]. Как следствие – обращение к опыту православных епархий юго-западной части Российской империи, где посвящению в духовный сан традиционно предшествовало так называемое «нудительное служение», то есть кандидат в священники обязывался определенное время отслужить в качестве причетника или же учителя церковно-приходской школы, что, с одной стороны, позволяло приходской общине оценить в условиях повседневности все достоинства и недостатки будущего священника, а с другой – для самого кандидата являлось «самоиспытанием его призвания и его способностей к священному сану» [5, с. 405].

На уровне епархий процесс перевода традиции «нудительного служения» в сугубо прагматическую плоскость начался с 1873 г., причем касался он в основном конкретной категории выпускников средних духовно-учебных заведений, а именно тех, кто был принят по Уставу от 26 мая 1869 г. и обучался за счет епархиальной казны. Так, согласно Высочайше утвержденному 16 апреля 1869 г. Журналу присутствия по делам православного духовенства в правилах, принимаемых правлениями духовных училищ и семинарий, появились пункты, подобные этому: «Казённокоштные воспитанники духовных семинарий, в случае непоступления их на священно и церковно-служительские места, обязаны прослужить за каждые два года содержания в семинарии год на учебной службе: окончившие курс со званием студента – в духовных училищах, а окончившие курс по второму и третьему разряду – начальных народных школах... В случае же выхода таковых воспитанников в другую службу ранее назначенного срока, они обязаны возратить сумму, употреблённую на их содержание, по расчёту семинарского правления...» [6, с. 83]. Вместе с этим правлениям средних духовно-учебных заведений предписывалось в обязательном порядке указывать в дипломах и свидетельствах казеннокоштных выпускников на то, что «предъявители означенных документов, в случае поступления их на гражданскую службу, обязаны возратить духовному ведомству сумму, употреблённую на их содержание»

[6, с. 82]. Это в конечном итоге и привело к появлению, начиная с 1873 г., в послужных списках значительного числа приходских священников записей о наличии двух- или трехлетнего опыта учительской деятельности вне зависимости от их сословного происхождения.

Таким образом, формулировка «отец сначала был учителем, потом стал священником» в постреволюционных анкетах могла быть как простой констатацией сугубо ситуативного, возникшего в результате стечения обстоятельств, факта семейной истории, так и попыткой завуалировать сословное происхождение и вписаться в формирующуюся онтологию нового социального порядка, в которой за представителями высших сословий закрепилось определение «бывшие люди» (например: «...Зафиксирован ряд случаев активной поддержки и организации таких учреждений, которые не могут быть актуальными на сегодняшний день, являясь часто убежищем для выброшенных из жизни «бывших людей» (некоторые учреждения Академии наук)» [7, с. 458]). Именно данное обстоятельство и обусловило необходимость нашего выхода за рамки традиционной конспективно-хронологической представленности биографического материала и обращения к историко-семейному аспекту, тем более что достаточно сильное влияние близкородственных отношений на процесс формирования жизненного пути К. А. Копержинского прослеживается уже на уровне общеизвестной биографической хронологии.

Итак, конец лета 1872 г. для семьи приходского священника Александра Ивановича Копержинского, настоятеля Свято-Михайловской церкви в местечке Студеницы Ушицкого уезда, выдался волнительно-радостным, но вместе с тем и горестным. Во второй половине июля было получено официальное подтверждение того, что средний сын Александр зачислен по результатам вступительных испытаний в первый класс низшего отделения Подольской духовной семинарии [8, с. 348], а через две недели стало известно, что и дочь Анна в числе восемнадцати девиц духовного звания принята в пансионерки Каменец-Подольского женского училища [9, с. 371–372]. Впрочем, семейные радости длились недолго – в последних числах августа скоропостижно скончался глава семейства [10, с. 423], и более двух тысяч душ обоего пола окунулись в тревожное ожидание, потому что умер не просто священник, прослуживший при местечковом приходе без малого 30 лет, а ушел из жизни представитель духовной династии, окормлявшей и направлявшей приходскую жизнь местечка Студеницы на протяжении века. Род Копержинских священствовал при Свято-Михайловском приходе с конца 60-х гг. XVIII в.: «До 1799 г. Матвей Копержинский (или Копежинский), до 1844 г. сын его Иоанн и до

1872 г. внук Александр» [11, с. 777]. Даже существовала небезызвестная легенда об обретении иконы «Богоматери с предвечным младенцем», в которой Копержинские выступали в качестве бессменных хранителей старинной святыни. Согласно преданию священная реликвия, ранее принадлежавшая древнему православному монастырю, была случайно найдена мальчишками-пастухами, спрятавшимися от грозы в пещере горы Горошковой, расположенной близ местечка Студеницы, а затем передана ими в приход Студеницкой Успенской церкви. Во время эпидемии чумы, бушевавшей на Подолии в 1770 г., икона обрела чудодейственные свойства и уберегла местное население от мора. В 1791 г. обветшалую от времени Успенскую церковь разобрали, а икону торжественно перенесли к алтарю вновь возведенной Свято-Михайловской церкви (об обретении иконы см.: Официально-церковная версия, составленная на основе донесения А. И. Копержинского от 1866 года [12, с. 405–407], и «простонародный» вариант [13, с. 23–26]). И хотя Подольский историко-статистический комитет не нашел в архивах Подольской епархии каких-либо упоминаний о существовании Студеницкого монастыря, да и проверка возраста иконы оказалась невозможной, в связи с тем что в 1853 г. на ней полностью был обновлен красочный слой, тем не менее она была известна как чудодейственная не только в Подолии, но и в Заднестровье, и ежегодно 24 июня при большом стечении богомольцев отмечался местечковый православный праздник, или отпуст обретения иконы «Богоматери с предвечным младенцем» [12, с. 406]. К этой же дате приурочивалась первая летняя ярмарка, другая проходила в начале августа в Яблочный Спас. Путешественник-киевлянин, на досуге решивший заняться этнографическими изысканиями, так описывал августовскую ярмарку в местечке Студеницы: «Особенно бросается в глаза огромное количество фруктов: яблок, груш, слив и арбузов, занявших почти половину площади, и необыкновенная их дешевизна: я покупал прекрасные, большие груши и яблоки самых лучших сортов по копейке десятков, не торгуясь, и ещё давали одну штуку в придачу... Не даром Студеница, по количеству производимых в ней фруктов, считается садом целого Подолья; всё местечко утопает в садах, из которых сухие плоды расходятся чуть ли не по всем городам южной Руси» [14, с. 68]. Только чернослива продавалось до 1 500 бочек на сумму около 35 000 руб. в год [11, с. 776].

Летние и осенние ярмарки, приуроченные к значимым церковным праздникам, обеспечивали не только относительно высокий уровень доходности крестьянских хозяйств и материальное благополучие прихода Свято-Михайловской церкви, но и регулярное пополнение епархиальной казны в части обязательных платежей

и пожертвований. Поэтому глава Подольской епархии на внезапно освободившееся место, не проводя традиционной, но длительной процедуры баллотировки, тут же своей волей назначил другого настоятеля. Им стал известный своим проповедческим талантом и деловитостью священник Ушицкого собора Хрисанф Михалевский [15, с. 437]. Как вновь назначенный настоятель Свято-Михайловской церкви, он выделил Фекле Копержинской полагающийся ей «вдовый надел» в размере 9 десятин церковной земли, которые на ближайшие 5 лет должны были стать основным источником дохода для нее самой и ее несовершеннолетних детей. Дело в том, что учреждение эмеритальной кассы в Подольской епархии состоялось в 1871 г., и священник А. И. Копержинский не успел сделать необходимых взносов, поэтому регулярные пенсионные выплаты его вдове не полагались. Единственным денежным вспомоществованием со стороны епархии, на которое могла рассчитывать Фекла Копержинская, являлось удовлетворение поданного на имя епископа Подольского и Брацлавского соответствующего прошения. Таковое было подано, и в соответствии с определением Святейшего синода от 7 декабря 1873 г. она получила единовременное пособие в размере 70 руб. (для сравнения: содержание учителя церковно-приходской школы в Подольской епархии в то время составляло 25–30 руб. в год) [16, с. 304]. Выплата эта оказалась как нельзя кстати, так как на руках у Феклы Копержинской оставался малолетний Василий, к тому же обучение дочери в Каменец-Подольском училище требовало регулярной платы, только учеба Александра не обременяла семью дополнительными расходами. Сдавший вступительные экзамены в Подольскую духовную семинарию по первому разряду, то есть на «хорошо» и «отлично», Александр Копержинский был принят как «полноказённокоштный», да и в дальнейшем семинарист А. А. Копержинский на всем протяжении обучения переводился из класса в класс только по первому разряду. Во второй половине июля 1877 г. он окончил полный курс семинарии также по первому разряду и был выпущен в звании студента [17, с. 261], а в сентябре, успешно пройдя конкурсный отбор, поступил на службу в Подольское духовное училище учителем греческого языка, где и прослужил около 5 лет, в течение которых не только исполнял учительские обязанности, но и, являясь членом училищного правления, нес ответственность за экономическую часть. В первых числах июня 1882 г. епископ Подольский и Брацлавский Викторин удовлетворил прошение А. А. Копержинского о его назначении на место настоятеля в с. Москалевку Проскуровского уезда [18, с. 318]. В то же время депутатами Каменецкого окружного училищного съезда, проходившего в первых числах июня, было принято следующее решение:

«Ввиду того, что г. Копержинский действительно усердно выполнял свои обязанности как член правления, выдать ему просимые 100 р., которые и назначены были съездом в добавочное вознаграждение» [19, с. 411].

Вновь назначенный настоятель получил в свое ведение небольшую, начавшую ветшать церковь в с. Корытная, приписанную к москалевскому приходу, которая должна была стать на ближайшее семилетие местом духовного служения А. А. Копержинского (при посвящении в сан давалась обязательная подписка о семилетнем служении на назначенном месте [20, с. 423]), и начал энергично вживаться в дела вверенного ему прихода. Уже через месяц после своего назначения А. А. Копержинский испрашивает разрешение у главы Подольской епархии на возведение за счет средств прихожан новой церковной ограды. Разрешение было получено [21, с. 390], средства собраны, и ограда поставлена, а прихожанам корытненского прихода, сподвигнутым своим священником на благое дело, объявлена благодарность от имени главы епархии епископа Подольского и Брацлавского Иустина [22, с. 239]. Сменивший в октябре 1882 г. на епископской кафедре почившего в бозе Викторина епископ Иустин был архипастырем суровым и прагматичным. Он не только щедро, не взирая на сан и былые заслуги, оделял подольское священничество выговорами и штрафами, лишь с ноября по декабрь 1882 г. дисциплинарные взыскания были наложены на без малого четыре десятка лиц духовного звания, сумма же взысканных и обращенных в пользу беднейшего духовенства штрафов составила более 160 руб. [23], но и проявил недюжинную заботу о доходно-расходной части епархиальной казны. Поэтому, по достоинству оценив деловитую целеустремленность корытненского священника и, видимо, посчитав, что содержание двух настоятельских мест при москалевском приходе (вторым настоятелем значился Александр Зенкевич) обременительно для казны Подольской епархии, епископ Иустин в первой половине 1884 г. своей волей назначил священника А. А. Копержинского к приходу Николаевской церкви Каменец-Подольского тюремного замка. Построенная в 1857 г., тюремная церковь не имела своего причта, в связи с чем тюремных сидельцев окормляли духовные служители кладбищенского прихода, и, чтобы прекратить без малого трёхдесятилетнее роптание тюремной паствы и «жалобство» кладбищенских священников, воспринимавших это дело не иначе как «излишнее обременение», епархиальное начальство решило учредить при Николаевской тюремной церкви отдельный причт во главе с молодым священником А. А. Копержинским [24, с. 59]. Спустя 3 года после назначения состоялось бракосочетание А. А. Копержинского с девицей Надеждой Михайловной Киржачской,

дочерью священника, а в 1889 г., через год после рождения первенца – сына Якова [25, л. 2], его ожидало очередное назначение к новому месту настоятельского служения, а именно к приходу Покровской церкви в с. Глебов Ушицкого уезда [26, с. 337]. Здесь у священника А. А. Копержинского родился второй сын – Константин.

Глебовский приход относился к категории тех благополучных приходов Подольской епархии, на освободившиеся места в которых могло одновременно самовыдвигаться до 50 претендентов-баллотировщиков [20, с. 422]. Председатель Подольского епархиального историко-статистического комитета протоиерей Е. И. Сецинский так описывал глебовский приход: «Эта церковь – однокупольная, построена вместе с колокольнею; освящена 28 сентября 1886 г. в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Устроена она на новом месте, погост же старой сгоревшей церкви вошёл в состав усадьбы помещика; на месте престола поставлен крест. В Глебове в доме владельца есть домовая церковь во имя св. Василия Великого. Иконы в этой церкви писаны частью в Италии, частью принадлежат кисти графинь Путятиных. Церковной земли: усадебной 3 дес. 1 791 саж., пахотной 44 дес. 1 350 саж., леса 22 дес. 832 саж. Причтовые помещения устроены в 1888 г. помещиком. Церковная школа существует с 1848 г.» [11, с. 775].

За 1889–90 гг. А. А. Копержинский при деятельном воспомоществлении со стороны владельца глебовского поместья графа Е. Е. Путятина, действительного члена Каменец-Подольского Иоанно-Предтеченского братства и мирового посредника барона С. Е. Рауш-фон-Траубенберга, построил новое здание церковно-приходской школы, возобновил проведение регулярных занятий, организовал при ней детский хор и был отмечен епархиальным начальством за «особенную ревность в деле народного просвещения» [27, с. 105]. Кстати, в этой церковно-приходской одноклассной школе пришлось некоторое время поучиться старшему сыну А. А. Копержинского.

Впрочем, священник А. А. Копержинский принадлежал к той части подольского пореформенного духовенства, которое не считало возможным и должным ограничивать жизнь и судьбу сыновей семинарским дипломом и пределами церковного прихода или окружного благочиния, а, наоборот, стремилось к расширению жизненных горизонтов для своего потомства и предоставлению ему возможности получить качественное светское образование, что нередко было чревато определенными издержками в продвижении по службе или могло приводить к серьезным финансовым потерям. Это объяснялось тем, что начальственные лица Подольской епархии крайне неодобрительно воспринимали частные инициативы священников, касающиеся смены мест настоятельского служения, по причине того,

«что такая подача прошений вызывается не всегда нуждами и потребностями благоустройства церковно-приходской жизни, а по большей части чисто личными расчётами священников...» [28, с. 157]. Тем не менее в связи с планируемым определением старшего сына Якова в Каменец-Подольскую мужскую гимназию священник А. А. Копержинский обратился к главе Подольской епархии епископу Подольскому и Брацлавскому Иринею с просьбой о соответствующем переводе и, получив отказ, подал другое прошение, на этот раз об увольнении от занимаемого им прихода и выведении за штат. Состоявшееся 20 июня 1897 г. решение носило несколько компромиссный характер, так как в соответствии с ним священник с. Глебова А. А. Копержинский был уволен от занимаемого им прихода, но с причислением в качестве сверхштатного священника к Каменецкому кафедральному собору [29, с. 282]. Одновременно решением епархиального съезда он был утвержден в должности члена-делопроизводителя Епархиального управления взаимовспомогательной кассы и свечной операции, которая оставалась вакантной с 23 июня 1896 г. [30, с. 823], а с первых чисел февраля 1898 г. епархиальное начальство определило его на место священника Кирилло-Мефодиевской церкви при Каменецком мужском духовном училище [31, с. 143].

Здесь, по нашему мнению, следует несколько подробнее остановиться на тех доходных статьях, из которых складывалась материальная обеспеченность подольского приходского священничества в конце XIX в., тем более что оно имело в этом плане ряд значимых преференций.

Во-первых, в отличие от священнослужителей других епархий все подольские священнослужители, состоявшие в епархиальном штате, получали казенное жалование. Размер жалования приходского священника Подольской епархии составлял от 300 до 400 руб. и выше ежегодных казенных выплат. Определенное различие в размерах казенного жалования приходских священников обуславливалось тем, что у большинства городских приходов отсутствовали земельные наделы, а если таковые и были, то они имели размеры значительно меньше установленной нормы в 33 десятины, что некоторым образом и компенсировалось за счет казенных средств. А. А. Копержинский как сельский приходской священник получал 300 руб. по казенному содержанию, но, будучи выведенным за штат с 20 июня 1897 г., утратил право на получение этих денег.

Второй доходной статьёй, особенно значимой для сельского священничества, являлись приходские земельные наделы. И если для епархий средней полосы Российской империи земельный надел сельского прихода в 33 десятины был нормой, то в Подольской епархии средняя площадь приходского надела составляла 59 десятин (для Ушицкого уезда эта величина составляла

55 десятин земли [32, с. 606]). При этом ежегодная доходность земельных наделов, по данным Подольского отделения Крестьянского земельного банка на 1888–89 гг., составляла: для десятины усадебной земли 21 руб. 75 коп. (или 14,5% от 150 руб. повсеместной стоимости одной десятины усадебной земли в Подольской губернии [33, с. 300]), для десятины пахотной земли – 6 руб. 53 коп. (или 7,5% от средней стоимости одной десятины в 87 руб. 09 коп. в Ушицком уезде [32, с. 605]). Доходность одной десятины лесных угодий определялась на месте посредством составления соответствующего акта и оценочной описи, в которой указывались все доступные способы лесопользования, количество перестойного леса и основные породы деревьев, наличие гарей, полян, опушек и т. д. [33, с. 123–125]. Таким образом, ежегодный доход причта глебовского прихода только с усадебного и пахотного наделов мог составлять от 357 руб. и выше. Касательно доходности лесных угодий, принадлежавших церковному приходу с. Глебова в связи с отсутствием соответствующих оценочных описей, мы можем отметить только то, что само по себе наличие без малого 23 десятин леса, а соответственно, и возможности произведения глебовским причтом самозаготовок деловой и неделовой древесины являлось для Подольской епархии весьма значимым фактом, существенно повышавшим доходность места приходского священника. Несмотря на то, что уровень коммерциализации лесных угодий мог колебаться в широких пределах, тем не менее доходность десятины леса в Подольской губернии в конце XIX – начале XX в. значительно превышала доход, получаемый с пахотной десятины.

Третьей доходной статьей являлись денежные и иные приношения, получаемые церковным причтом от прихожан за исполнение различных треб и молитвословий. Подольским епархиальным статистическим комитетом ежегодный минимальный размер дохода по этой статье определялся из расчета 50 коп. с каждого лица мужского пола православного вероисповедания, проживавшего в границах прихода [32, с. 607]. С учетом того, что в описании вакантного места приходского священника с. Глебов Ушицкого уезда число прихожан было указано в 2 493 «души обоего пола» [34, с. 278], из которых мужчин было 1 260 чел. [11, с. 753], то ежегодный требный доход глебовского причта мог составлять как минимум 630 руб. Две трети этой суммы уходило в доход приходского священника, а одна треть полагалась приходскому псаломщику. Заняв же место сверхштатного священника при Каменецком кафедральном соборе, А. А. Копержинский мог рассчитывать только на приношения от прихожан за те требоисполнения и молитвословия, от осуществления которых по какой-либо причине отказывались штатные священники.

Последнее, о чем следует упомянуть, это то, что в Подольской епархии существовала серьезная проблема массовой обветшалости причтовых строений сельских приходов, остававшаяся, несмотря на учреждение в 1895 г. Подольского епархиального комитета по устройству причтовых помещений, а также ежегодное выделение Святейшим синодом значительных целевых средств за счет запасно-строительного капитала (что отражено в соответствующих отчетах в Подольских епархиальных ведомостях с 1896 г. по 1917 г.), не решенной вплоть до февраля 1917 г. Поэтому место священника в глебовском приходе с его каменной церковью 1886 г. постройки и новыми причтовыми строениями оставалось вакантным менее двух недель, т. е. на тот период времени, который требовался для рассмотрения соответствующих прошений священников и проведения традиционной процедуры баллотировки. При этом многие священнические места в сельских приходах Подольской епархии могли находиться свободными от двух месяцев до полугода и более.

Что же касается священника А. А. Копержинского, по собственному прошению уволенного от столь благополучного прихода, то с момента переезда в Каменец-Подольский единственным стабильным доходом для него являлось денежное содержание по должности члена-делопроизводителя Епархиального 25 руб. в месяц. Лишь в связи с неожиданной и скоропостижной кончиной священника П. И. Жданова, который состоял не только председателем Епархиального управления взаимно-вспомогательной кассы и свечной операции, но был и настоятелем Кирилло-Мефодиевской церкви при Каменецком мужском духовном училище, А. А. Копержинский смог занять штатное место священника и, соответственно, вновь обрести все полагающиеся преференции, как то: казенную квартиру и ежегодное казенное содержание. Впрочем, с начала 1899 г., когда состоялось введение в строй Подольского епархиального свечного завода, и члены Епархиального управления взаимно-вспомогательной кассы и свечной операции вошли в состав его правления, священник А. А. Копержинский, заняв должность товарища (заместителя) председателя заводского правления [35, с. 418], приблизился к тому уровню личного дохода, который ему обеспечивало место приходского священника в с. Глебов.

В дальнейшем, ко времени окончания младшим сыном Константином Каменец-Подольской мужской гимназии (1913 г.), протоиерей А. А. Копержинский занимал весьма заметное положение в епархиальной иерархии. Он входил в состав Подольской духовной консистории [36, с. 51], был законоучителем в Пушкинском Каменец-Подольском городском приходском училище [36, с. 65], состоял в совете Каменецкого православного Свято-Иоанно-Предтеченского братства [37,

с. 14] и был настоятелем Каменецкой Свято-Петро-Павловской церкви [38, с. 92].

Так что поступление К. А. Копержинского в Санкт-Петербургский императорский университет было делом логичным и закономерным. К тому же в Санкт-Петербурге проживал его старший брат Я. А. Копержинский, который после окончания Санкт-Петербургского политехнического института служил инженером-конструктором по торговым и специальным судам на Путиловском заводе. В дальнейшем Яков Александрович Копержинский (1888–1968) станет известным инженером-кораблестроителем, одним из главных конструкторов Ленинградского ЦКБ-32 (ныне ЦКБ «Балтсудопроект») [39, с. 16–17].

Не менее логичное и закономерное значение со временем обретет и тот факт, что в мозаике личного миростроительства К. А. Копержинского, складывавшейся как результат частых и нередко вынужденных аблокционных изменений, два города – Каменец-Подольский и Ленинград – будут теми пунктами жизненной географии ученого, куда он стремился вернуться и не раз возвращался. Что же касается формулировки «отец сначала был учителем древних языков, потом стал священником», то ее тиражирование в современных биографических исследованиях, посвященных известному слависту и литературоведу профессору К. А. Копержинскому, на наш взгляд, является не совсем корректным по отношению к самому биографанту, потому что в определенный период времени она была ничем иным, как формулой символического коррелята примирения с тоталитарной логикой искоренения прошлого, в рамках которой шло оформление нового, постреволюционного социального порядка с его требованием непреложной публичной исповеди. Сама же процедура исповедального акта являлась неперемным условием вхождения в новый общественный строй, определяя при этом и уровни индивидуальной включенности. Ведь процедура заполнения автобиографических анкет в постреволюционный период с их неперемными и обязательными пунктами, такими как «Национальность», «Социальное происхождение», «Отец» и «Мать», с обязательным указанием социального происхождения каждого из них, а также графа «Где и когда проходил чистку госаппарата», и являлась по своей сути бюрократизированным вариантом такого исповедального акта.

Список литературы

1. Копержинский Константин Александрович : личное дело // Архив Иркутского гос. университета. Д. 202 (22а-4-202 на 68 л.). Л. 8.
2. Груздева Е. Н. Академик Борис Александрович Ларин (1893–1964) : годы учебы // Московский журнал. История государства Российского. 2019. № 3 (339). С. 80–88.
3. Лебедев Сергей Васильевич. 1874–1934 гг. // Вестник химической промышленности [Электронный ресурс]. М. : НИИТЭХИМ. 2017. 19 сент. URL: <http://vestkhimprom.ru/posts/lebedev-sergej-vasilevich-1874-1934-gg> (дата обращения: 30.06.2021).
4. Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по Ведомству православного исповедания за 1871 год // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1873. № 23. С. 411–421.
5. Завитневич А. З. О реформах духовно-учебных заведений в царствование государя императора Александра Николаевича // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1880. № 32. С. 403–405.
6. Правила о казённокоштных воспитанниках семинарии // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1878. № 7. С. 77–85.
7. «Совершенно секретно» : Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934) : сборник документов : в 10 т. Т. 10 : в 3 ч. Ч. 1 : 1932–1934 гг. / отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М. : ИРИ РАН, 2017. 656 с.
8. Разрядный список учеников Подольской духовной семинарии // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1872. № 14. С. 344–350.
9. Список девиц духовного звания, принятых, с Высочайшего государыни императрицы соизволения, в Каменец-Подольское училище // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1872. № 15. С. 371–376.
10. Распоряжения епархиального начальства // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1872. № 14. С. 421–423.
11. Приходы и церкви Подольской епархии / под ред. свящ. Евфимия Сецинского. Біла Церква : Вид. О. Пшонківский, 2009. 996 с.
12. Студеницкий монастырь // Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета / под ред. Н. И. Яворского. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1890–1891. Вып. 5. С. 405–407.
13. Гудзий Е. К. Простонародные легенды и поверия Подолия и Заднестровья (путевые заметки этнографа). Екатеринослав, 1899. 82 с.
14. К. М. Путевые очерки Подолия // Киевская старина. 1884. № 10. С. 53–81.
15. Распоряжения епархиального начальства // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1872. № 18. С. 435–438.
16. Сведения по Подольской епархии // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1874. № 12. С. 303–308.
17. Распоряжения по духовно-училищному ведомству // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1877. № 15. С. 258–276.

18. Местные распоряжения и известия // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1882. № 26. С. 318–319.
19. Распоряжения по духовно-училищному ведомству // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1882. № 33. С. 407–413.
20. Епархиальные распоряжения и известия // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1882. № 34. С. 422–426.
21. Епархиальные распоряжения и известия // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1882. № 32. С. 389–391.
22. Епархиальные распоряжения и известия // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1883. № 15. С. 235–243.
23. Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1882. № 48–52.
24. Сецинский Е. И. Исторические сведения о приходах и церквях Подольской епархии. Каменецкий уезд. Каменец-Подольский, 1895. 611 с.
25. Аттестат зрелости Копержинского Якова Александровича // Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 434 – Морское инженерное училище г. Кронштадт, г. Петроград (1798–1917). Оп. 2 (ед. хр. 926). Л. 2.
26. Епархиальные распоряжения и известия // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1889. № 32. С. 335–340.
27. Отчет о состоянии церковно-приходских школ Подольской епархии за 1889–90 учебный год // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1891. № 6. С. 95–114.
28. О мерах к ограничению массовой подачи священниками прошений о перемещении на лучшие приходы при открытии таковых // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1897. № 16–17. С. 157–165.
29. Распоряжения епархиального начальства // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1897. № 27. С. 281–282.
30. Распоряжения епархиального начальства // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1896. № 52. С. 813–824.
31. Священник Павел Жданов (некролог) // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1898. № 5. С. 139–143.
32. Бюджет священника и псаломщика нашей епархии // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1897. № 24. С. 601–610.
33. Справочная книжка Подольской губернии / сост. В. К. Гульдман. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1888. 654 с.
34. Вакантные места // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1897. № 26. С. 277–279.
35. Распоряжения епархиального начальства // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1900. № 47. С. 416–424.
36. Памятная книжка Подольской губернии / сост. В. В. Филимонов. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1911. 812 с.
37. Отчёт о деятельности Каменецкого православного Иоанно-Предтеченского братства за 1910 год // Православная Подолия. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1912. № 1. С. 12–23.
38. Распоряжения епархиального начальства // Православная Подолия. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1907. № 4. С. 92–94.
39. Киреев В. Н., Родионов Н. Н. ЦКБ «Балтсудопроект» – ровесник отечественного транспортного флота // Морской вестник. 2005. № 3 (15). С. 16–20.

Поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 13.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 13.01.2022; accepted for publication 31.01.2022